

"Образ Италии" и "образ России" в последнем стихотворении Баратынского

Русско-Итальянский Архив.

Составители Даниэла Рицци и Андрей Шишкин

Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche. Trento 1997

OCR Ловецкая Т. Ю.

"Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой" остро ожил в памяти Баратынского в Неаполе, во время его первого и единственного путешествия в Италию. Ему, Giacinto Borghese, посвящено последнее стихотворение поэта *Дядьке-итальянцу*, написанное в первой половине июня 1844 года, за считанные дни до внезапной смерти. Заключительные, прощальные строки этого длинного, почти эпического стихотворения (8 строф, 128 строк) звучат автоэпитафией:

О, спи! безгрезно спи в пределах наших льдистых!
Лелей по-своему твой [и мой. -- Т.Ц.] подземельный сон,
Наш бурнодышащий, полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем.

Стихотворение Баратынского является основой "русской биографии" Giacinto, которая может быть восстановлена по нему едва ли не с большей полнотой и точностью, чем по иным источникам. *"Благодать нерусского надзора"* длилась долго: по словам Баратынского, *"друг другу не были мы чужды двадцать лет"*; связь не оборвалась со смертью Жьячинто -- память воспитанника продлила эту связь еще почти на столько же, а стихотворение закрепило ее, *"наследовав несрочно"*.

Предположительно, Боргезе покинул родину году в 801-м. Когда французы пришли в Неаполь, Жьячинто возненавидел Бонапарта за приказ сдавать серебро [...] Он бежал из Италии с грузом свернутых холстов [...] Здесь он мыслил разбогатеть, ибо знал, по рассказам просвещенных людей, что в России ценят искусства. Он знал русских не понаслышке. Он видел русских, когда русская армия входила в Неаполь. Он видел их Суворова. На картинах Жьячинто прогорел [...] В Маре он обрел кров, семью, детей.

1

Баратынский изложил биографию Жьячинто в некотором отношении, пожалуй, более сухо; он, во всяком случае, не говорит, что итальянец был привлечен тем, "что в России ценят искусства":

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноград, лимон ее златой
Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами покровенный,
Приставший с выбором загадочных картин,
Где что-то различал и видел ты один!

Потерпевший неудачу в своих коммерческих начинаниях, Боргезе, очевидно, попал в семью Баратынских в 1806 году, когда Баратынскому было шесть лет. Точная дата его смерти неизвестна; предположительно -- вскоре после 1822-го года.² Воспоминания поэта о "дядьке-итальянце" -- это воспоминания о собственном детстве, о жизни в деревне и в Москве, о семейных событиях, печальных и радостных, о расставаниях и встречах в родном доме, обо всем, что полюбивший "призревшую" его "семью" Жьячинто переживал как ее член:

Участник наших слез и праздником семейных,
В дни траура главой седой ты поникал;
Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее, порой, с пределов света,
Питомца твоего, недавнего корнета,
К коленам матери кибитка принесет
И скорбный взор ее минутно оживет...

Последующее событие -- смерть Баратынского на родине своего воспитателя -- показало